

УДК 124.5

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.60-66>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций

Горшенин М.Л.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп.1, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ феномена «русской тоски» и западного экзистенциального страха (Angst), выполненный в контексте двух концептосфер. Мотивация данного анализа обусловлена актуальностью ситуации взаимодействия европейской и традиционной русской мировоззренческой парадигмы. Рассматриваются философские интерпретации тоски российскими мыслителями, такими как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Г. Лишаев и другие, а также соответствующие анализы Angst в западной философской традиции, представленные С. Кьеркегором, М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром и другими. Показано, что оба феномена являются диффузными и аморфными, связанными с переживанием «ничто». Однако они различаются по смысловой направленности: русская тоска ориентирована на трансцендентное, тогда как западный экзистенциальный страх (Angst) направлен на осознание экзистенциального ничто. В заключении делается вывод, что несмотря на их общую экзистенциальную природу, данные состояния детерминированы историко-культурным контекстом и выступают в качестве катализаторов расширения сознания и достижения подлинного существования.

Ключевые слова: русская тоска, экзистенциальный страх, концептосфера, экзистенциальная философия, феноменология, национальный менталитет

Для цитирования: Горшенин М.Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)): 60–66.

The Phenomenon of «Russian Toska» and Existential Angst: A Comparative Analysis of Conceptualizations

Gorshenin M.L.

Kazan Federal University, Kazan, Kremlevskaya str., 1, 420008, Russian Federation

Abstract. The article presents a comparative analysis of the phenomenon of Russian «toska» and Western existential fear (Angst), conducted in the context of two conceptual spheres. The motivation for this analysis is driven by the relevance of the situation of interaction between European and traditional Russian worldview paradigms. Philosophical interpretations of melancholy by Russian thinkers such as N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin, S.G. Lishaev, and others

are considered, as well as corresponding analyses of Angst in the Western philosophical tradition, presented by S. Kierkegaard, M. Heidegger, J.-P. Sartre, and others. It is shown that both phenomena are diffuse and amorphous, related to the experience of «nothingness.» However, they differ in their semantic orientation: Russian melancholy is oriented towards the transcendent, while Western existential fear (Angst) is directed towards the awareness of existential nothingness. In conclusion, it is argued that despite their common existential nature, these states are determined by the historical and cultural context and act as catalysts for expanding consciousness and achieving authentic existence.

Keywords: russian «toska», existential fear (Angst), conceptual sphere, existential philosophy, phenomenology, national mentality

For citation: Gorshenin M.L. The Phenomenon of «Russian Toska» and Existential Angst: A Comparative Analysis of Conceptualizations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):60–66. (In Russ.)

Постановка проблемы

Проблема исследования заключается в компаративном анализе феномена «русской тоски» и западного экзистенциального страха как ключевых проявлений мировоззренческих традиций двух культурных парадигм. Данный анализ обусловлен необходимостью глубокого философского осмысления, поскольку российская реальность, с одной стороны, интегрирует европейские философские подходы, а с другой — сохраняет традиционную русскую парадигму мироощущения. В этом контексте феномен «русской тоски», который в рамках русской классической традиции долгое время не поддавался научной категоризации, требует переосмысления в свете современных трансформаций. Особое внимание будет уделено изучению того, как концепты «тоски» и «экзистенциального страха» формируют семантическое пространство культуры, представляя собой систему смыслов, через которую общество интерпретирует бытие.

Философская значимость данной проблемы заключается в том, что концепты «тоска» и «страх» играют ключевую роль в формировании фундаментальных оснований восприятия реальности. Они не только задают специфическую тональность повседневности, но и могут определять выбор ценностных ориентиров и

смысловых доминант в культуре. Как отмечено в специализированной литературе, концепты обладают рядом специфических характеристик, таких как высокая частотность, идиоматичность и сложность перевода, что подчеркивает их значимость в формировании национального мировоззрения. Основная задача исследования состоит в выявлении философских смыслов, вкладываемых в понятия «тоска» и «экзистенциальный страх», а также в анализе их различий в русской и западной традициях. Эти концепты представляют собой своеобразные «лакуны» мировосприятия, через которые человек рефлексирует над бытием. В рамках данного исследования будет продемонстрировано, как эти состояния интерпретируются различными философскими традициями и какое значение им придают мыслители, что позволит оценить их функцию в современной экзистенциальной рефлексии.

Философские трактовки тоски и страха

В отечественной философской традиции понятие тоски рассматривается как глубоко метафизическое состояние, обладающее уникальной экзистенциальной природой. Н.А. Бердяев проводит концептуальное разграничение между тоской и скучой, утверждая, что тоска направлена к высшему миру

и сопровождается ощущением незначительности эмпирического бытия [1]. Данный феномен создает экзистенциальный разрыв между субъектом и миром, отражая трансцендентные смыслы. В отличие от тоски, скука погружает личность в состояние, характеризующееся ощущением пустоты и бессмыслицы существования. Бердяев отмечает, что тоска обладает религиозно-поэтической интенциональностью, представляя собой «тумление по запредельному» и выражая духовный опыт отчуждения от трансцендентных реальностей [1, с. 53]. В другом своем исследовании Бердяев акцентирует внимание на национальном аспекте, подчеркивая, что поиск смысла жизни является ключевой темой русской литературы и отличительной чертой русской интеллигенции [2].

В. Ильин, развивая данную тему, подчеркивает уникальность «русской тоски», рассматривая ее как неотъемлемую черту национального характера. Он связывает данное явление с тяжестью исторической судьбы и безграничными просторами России, утверждая, что преодоление этого состояния возможно только через принятие своей судьбы и путь духовного смирения [3]. Такое понимание подчеркивает религиозно-этический контекст тоски как состояния, стимулирующего экзистенциальное преобразование личности. С. Лишаев анализирует феномен тоски через категорию Другого, определяя ее как «расположение, в котором Другой как Бытие присутствует своим отсутствием». Это означает, что тоска воспринимается как пустота и утрата целостности и определенности. Лишаев утверждает, что в состоянии тоски человек сталкивается с экзистенциальным вопросом о высшем смысле бытия, при этом мир предстает как условный и лишенный онтологической основы. Таким образом, тоска выявляется как состояние, характеризующееся ощущением предела и от-

сутствия трансцендентных смыслов. М. Эпштейн, изучая культурные образы тоски, связывает ее с восприятием пространства и времени [4]. Он описывает тоску как «бесконечную долготу пространства, ничем не заполненную», подчеркивая ее поэтическую природу как состояния души, воспринимающего внешнюю и внутреннюю пустоту. Эпштейн акцентирует субъективный опыт тоски как переживания утраты смысла и целостности бытия.

В западной философской традиции аналогичные феномены исследуются в контексте экзистенциальной философии и феноменологии страха. С. Кьеркегор проводит различие между эмпирическим страхом, имеющим конкретный объект и источник, и экзистенциальным страхом, который лишен ясного источника и связан с осознанием конечности человеческого бытия. Этот экзистенциальный страх, по мнению Кьеркегора, сопоставим с «головокружением свободы» – состоянием, когда человек, сталкиваясь с понятием ничтожности мира, испытывает полную неопределенность и раскрывает возможность подлинной свободы [5]. М. Хайдеггер развивает эту идею, утверждая, что страх «выявляет ничто». В его философии *Angst* представлен как фундаментальное экзистенциальное настроение, раскрывающее пустоту бытия. Страх лишает человека опоры на привычные смыслы, разрывая его связь с обыденной картиной мира. В данном контексте экзистенциальный страх рассматривается не как пагубное состояние, а как ключ к осознанию глубинной структуры существования [6].

Западные мыслители также исследуют смежные с *Angst* состояния – тревожность, скуку и отчаяние. М. Хайдеггер описывает глубокую скуку как «молчаливый туман» над личным бытием. Ж.-П. Сартр в своем романе «Тошнота» демонстрирует, что осознание пустоты повседневного существова-

вания («тошнота» от самодовлеющей реальности) приводит героя к экзистенциальному кризису и побуждает его искать подлинный смысл жизни [7]. Сартр прямо связывает возникновение тоски с осознанием бессмыслинности прежних ценностей. С. Кьеркегор отмечает, что в данном контексте тоска становится «эмоциональной подсновой экзистенции»: тот, кто испытывает лишь эмпирические заботы, знает их причину, тогда как «причину тоски сказать нельзя» [8]. Таким образом, тоска выступает как более глубокая, немотивированная форма страдания, сопоставимая по масштабу с *Angst* и глубокой скучкой.

Философская интерпретация понятий в контексте экзистенциальной рефлексии

В экзистенциальной философии и феноменологии страх и тоска рассматриваются как фундаментальные состояния, которые субъект переживает на пути к постижению истинной структуры бытия. Экзистенциальный страх, часто обозначаемый термином «*Angst*», представляет собой уникальный феномен, связанный с опытом встречи с «ничто». Это состояние вызывает у субъекта чувство необъяснимой тревожности, которое не поддается рациональному осмыслению. Столкновение с «ничто» является ключевым моментом, позволяющим субъекту выйти за пределы обыденного мира и осознать свою свободу. Кьеркегор отмечает, что именно страх вызывает «головокружение свободы», выводя индивида к вопросу о его собственной сущности. Ясперс, в свою очередь, называет страх «опорой в бесконечном», подчеркивая, что только через глубокое переживание тревоги человек может достичь истинной экзистенции [9].

Тоска как еще одно важное экзистенциальное понятие также приобретает философское значение. Это ирра-

циональное состояние ставит субъекта перед лицом «ничто» и проявляется через внутренние переживания. В состоянии тоски человек ощущает присутствие «дремлющего страха», который сохраняется даже в моменты временного утешения. Тоска является переживанием «дистантности» по отношению к другому миру и собственной экзистенциальной изоляции. Лишаев утверждает, что тоска проявляется как присутствие Другого в виде пустоты, в которой реальность утрачивает свою обязательность и становится «условной». Анализируя литературные примеры Сартра, можно увидеть, что тоска или «тошнота повседневности», сигнализирует о признании утраты мира и прежних смыслов. В этом контексте тоска не ослабляет способность к пониманию, но разрушает связи между смыслами, делая вещи «условными» и «ненужными». Субъект в состоянии тоски «как бы не живет», но сохраняет способность к восприятию.

Страх и тоска объединяются своей способностью «разверзать» бытие, разрушая поверхностные ценности и создавая возможность для прозрения. Страх окутывает привычную реальность «серым туманом» равнодушия, и только осознание этого пустого пространства позволяет субъекту почувствовать глубинные связи с «Другим» или с «ничто». Аналогично тоска выводит сознание за рамки обыденного, направляя субъекта к трансцендентному. Философы подчеркивают, что переживание этих состояний представляет собой «разверзание бытия», включающее как страдание, так и озарение. Эти феномены становятся ключом к переосмыслению себя и мира, представляя собой болезненный процесс, в ходе которого стираются поверхностные аспекты реальности, и индивид сталкивается с феноменом «ничто». Именно в этом контексте обретает свой смысл подлинная экзистенция: отказ от иллюзии целесообразности жизни

и осознание вечного вопроса «для чего все это?» открывают новые горизонты самопознания и свободы.

Русская и западная концептуализация тоски и страха: общее и различное

Оба феномена пронизывают все аспекты человеческого бытия, что затрудняет их формализацию и точное определение. В повседневном дискурсе часто наблюдается контаминация понятий «экзистенциальный страх» и «тоска», которые рассматриваются как взаимосвязанные экзистенциальные категории, способные выступать и в качестве причин, и в качестве следствий кризисных состояний. Оба эти феномена являются исключительно человеческими переживаниями, не имеющими аналогов в мире животных, где присутствует лишь эмпирический страх. Именно поэтому они стали центральными темами в философии экзистенциализма, обозначая ключевые точки кризиса человеческого существования. Оба состояния могут служить катализаторами для «раскрытия» сущности бытия и достижения катарсиса, представляя собой важные философские категории, способствующие осмыслиению глубинных аспектов человеческого существования.

Русская тоска характеризуется тесной связью с ощущением пространства. В условиях избыточности или пустоты пространства россияне склонны к экзистенциальному бегству. Западный экзистенциальный страх (Angst) фокусируется на категории времени, представляя собой страх перед неизбежной конечностью существования. В компактных европейских странах историческое течение времени и его осознание более значимы, в то время как для России характерен пространственно-временной релятивизм, обусловленный монотонностью ландшафта и ощущением «остановки времени».

Тоска традиционно ориентирована к трансцендентному. Согласно Н. Бердяеву, вектор тоски устремлён к высшим мирам, в то время как низший мир воспринимается как пустой и незначительный. Тоска рассматривается как метафизическая ностальгия по «другому» бытию. В противоположность этому, экзистенциальный страх ориентирован к «ничто». Angst выявляет пустоту бытия и конечность человеческого существования. Таким образом, тоска направлена на обретение трансцендентного, а страх – на постижение экзистенциального ничто.

Русская тоска прочно ассоциируется с национальным характером и исторической традицией. Философы подчеркивают её специфику для русского духа. Тоска связывается с «русским роком», бескрайними просторами и «грустной красотой» природы. Западный экзистенциальный страх рассматривается как универсальная категория, не привязанная к конкретной нации. Его развитие происходило в рамках европейской философии эпохи Просвещения и XX века, акцентируя внимание на разуме и абстракции «ничто».

В русской традиции тоска долгое время носила романтико-идеалистический характер, воспринимаясь как позитивный опыт «внутреннего диалога» с высшими смыслами. Тоска стала аксиологическим основанием в русском культурном дискурсе. В западной традиции экзистенциальный страх изначально рассматривался негативно как симптом кризисного состояния. Однако экзистенциализм «реабилитировал» страх, рассматривая его как необходимый «вызов» для достижения аутентичности. В русской парадигме тоска часто наделялась трансцендентным позитивным смыслом, в то время как страх в западной традиции выступал стимулом для осознания свободы.

Западная категория экзистенциального страха традиционно концеп-

туализируется через феноменологический и аналитический подходы, акцентируя внимание на конечности и ничто. Русская тоска чаще описывается в литературно-религиозно-метафизических терминах. Философы, такие как Н. Бердяев, И. Ильин и С. Лишаев, анализируют её через христианские или онтологические мотивы. Например, С. Лишаев определяет тоску как состояние «Другого, присутствующего своим отсутствием», подчёркивая её поэтический и духовный характер [10].

Несмотря на общую экзистенциальную природу, русская тоска и западный экзистенциальный страх представляют собой различные феномены на философском уровне. Западный *Angst* является аналитической категорией, указывающей на отчуждение и конечность бытия в мире. Русская тоска, напротив, представляет собой культурно-специфический комплекс переживаний, ориентированных к трансцендентному и выступающим ценностно-экзистенциальным основанием в национальной традиции.

Заключение

Сравнительный анализ концептов «русская тоска» и экзистенциального страха (*Angst*) обнаруживает их сложную природу, включающую как общие, так и уникальные характеристики. Оба феномена имеют экзистенциальную основу и играют ключевую роль в философских исследованиях, проявляясь на протяжении различных исторических периодов и культурных контекстов. Они представляют собой формы саморефлексии, определяющие фоновые состояния осознания бытия и стимулирующие креативные процессы, направленные на поиск смысла существования.

Несмотря на их аморфность и неопределенность в обыденном языке, данные концепты демонстрируют различия, обусловленные культурно-историческими факторами. «Русская тоска»

как национальный мотив, интегрированный в русскую литературу, искусство и народное сознание, несёт ценностно-позитивные коннотации. Она ориентирована на трансцендентное и переживание иной реальности, что придаёт ей романтический оттенок и связывает с поисками высшей цели. В этом контексте тоска выполняет аксиологическую функцию, являясь основой национального мироощущения.

В отличие от «русской тоски», экзистенциальный страх (*Angst*) представляет собой универсальную философскую категорию, разработанную западными мыслителями. *Angst* ориентирован на анализ отчуждения и «ничто» и первоначально воспринимался как негативное явление. Однако в рамках экзистенциализма он был переосмыслен как необходимое условие подлинного существования, что позволило ему приобрести статус аналитической категории. Таким образом, *Angst* выполняет рефлексивную функцию, способствуя философскому осмысливанию человеческого бытия.

Оба феномена, несмотря на свои различия, проявляются на уровне индивидуального переживания. Они вызывают ощущение давления, пустоты и «тугости» пространства. Однако их смысловые векторы и акценты отличаются. Русская тоска формирует национально-специфическое мироощущение, в то время как *Angst* выполняет аналитическую роль в философской рефлексии. Сопоставление этих концептов позволяет выявить их амбивалентность: оба состояния, разрушая поверхностные смыслы, открывают новые перспективы бытия, способствуя катарсису и аутентификации существования.

Таким образом, «русская тоска» предстаёт как интегральный элемент национальной концептосферы, насыщенный метафизическим духом русского народа. Экзистенциальный страх, напротив, является универсаль-

ной категорией философской мысли. Сравнительный анализ этих концептов позволяет глубже понять, как культурные парадигмы формируют восприятие пустоты и стремления человека, демонстрируя, что страх и тоска остаются вечными вопросами человеческой экзистенции.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 397 с.
Berdyaev N. A. Self-Knowledge. M.: EKSMO-Press, 1999. 397 p. (in Russ.)
2. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. С. 152–190.
Berdyaev N.A. Sub specie aeternitatis. Philosophical, social, and literary essays. – St. Petersburg: M.V. Pirozhkov Publishing House, 1907. Pp.152 –190. (in Russ.)
3. Ильин В. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. С. 77–93.
Ilyin V. Essays on Russian Culture. St. Petersburg: Acropolis, 1997. Pp. 77–93. (in Russ.)
4. Эпштейн М. Все эссе: в 2-х т. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. 535 с.
Epstein M. All Essays: in 2 vols. Yekaterinburg: U-Factoria, 2005. Vol. 1. 535 p. (in Russ.)
5. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2012. 217 с.
Kierkegaard S. The Concept of Anxiety. M.: Academic Project, 2012. 217 p. (in Russ.)
6. Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
Heidegger M. Being and Time: Articles and Speeches. M.: Republic, 1993. 447 p. (in Russ.)
7. Сартр Ж.П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. М.: ООО «Издательство ACT», 2000. С. 7–216.
Sartre J.P. Nausea: Novel; The Wall: Novellas. M.: OOO «AST Publishing House», 2000. Pp. 7–216. (in Russ.)
8. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.
Kierkegaard S. Fear and Trembling / Trans. from Danish. M.: Republic, 1993. 383 p. (in Russ.)
9. Петропавловская М.А. Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса. *Дискурсы этики*. 2023; (4):35–54.
Petropavlovskaya M. A. Existence as a Solution to the Moral Problem of Choosing a Way of Being in Karl Jaspers' Philosophy. *Discourse of Ethics*. 2023. 2023; (4):35–54. (in Russ.)
10. Лишаев С.А. Эстетика другого. Эстетическое расположение и деятельность. СПб.: Алетейя, 2012. 256 с.
Lishaev S. A. Aesthetics of the Other. Aesthetic disposition and activity. St. Petersburg: Aletheia, 2012. 256 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Горшенин Максим Леонидович, аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. ORCID0009-0007-8753-6447, e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru

Information about author

Gorshenin Maxim Leonidovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. ORCID 0009-0007-8753-6447, e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru.

Поступила в редакцию 02.08.2025; принятa к публикации 11.09.2025.
Received 02.08.2025; accepted 11.09.2025.